

Слово ἀκρόπολις представлено во фрагментах той же поэмы Стесихора⁵ и полностью заполняет конец стиха 11. Частая у Гомера формула πόλιν αἰπήν (II. XIII, 625; ср. Od. III, 130; XI, 533; XIII, 316) легко могла подвергнуться у Стесихора изменению в ἀκρόπολις αἰπή (такого рода приращения к традиционной формуле для Стесихора засвидетельствованы). Для слушателей πόλιν αἰπήν было устойчивым словосочетанием, формулой, настолько привычной в приложении к Трое, что даже enjambement не заставлял объединить слова αἰπὰν ἔθρηκεν. Слово αἰπήν (в доризированной форме αἰπὰν) точно укладывается в отмеченное Э. Лобелем число недостающих букв в начале стиха.

Предлагаемое восполнение не только полностью заполняет лагуну, но и дает более точный смысл: заслуга Эпея заключается в том, что благодаря его трудам была взята самая неприступная часть Трои — акрополь. Πόλις αἰπή у Гомера понимается как «город с высокой стеной», а не как «город, расположенный над кручей»⁶, что и отражено в моем переводе⁷, где ἀκρόπολις переведен как «град», чтобы подчеркнуть преемственность с гомеровской формулой.

Н. Н. Казанский

⁵ πρὸς ναὸν ἐς ἀκρ[όπο]λ[ι]ν... (P. Oxy. 2619, fr. 1, col. II + fr. 47 = S 88, col. II, 6).

⁶ Ср. Lexicon Homericum. Ed. Ebeling H. V. I. Lipsiae, Londini, Parisiis, 1885, p. 53.

⁷ Стесихор. Фрагменты.— ВДИ, 1985, № 2, с. 239.

A PROPOS D'UN FRAGMENT SUR PAPYRUS DE LA «DESTRUCTION DE TROIE» DE STESICHORE

N. N. Kazanskij

L'auteur propose une nouvelle leçon (εὐρυ]χόρ[ο]υ Τρωίας ἀλώσι[μ]ον ἀκρόπολις / αἰπὰν ἔθρηκεν) du P. Oxy. 2619 fr. 15b, 11—12 (= D. Page, *Supplementum lyricis Graecis*, fr. 89, 11—12) qui complète l'interprétation proposée par lui dans *Vestnik Leningradskogo Universiteta* 1976 n° 2 et reproduite dans *ZPE* Bd. 38.

ГОСУДАРСТВО МОЛОССОВ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ АНТИЧНОГО ЭПИРА

В сложном спектре проблем, связанных с изучением истории античной Греции, одной из наименее изученных на сегодняшний день остается история Эпира. Причины этого кроются, в частности, в синхронности возникновения и усиления раннеэпирской и македонской государственности, причем развитие Македонии, как правило, отвлекало новейших историков от исследования сильного Эпирского государства на севере Греции. Ситуация не меняется и в работах, касающихся раннеэллинистического периода; например, для эпохи диадохов на первый план в историографии выступает личность царя Пирра, да и то лишь в связи с развитием общегре-

ческой политики, но не в контексте собственно эпирской истории¹. Значительно лучше и детальнее освещена эпирская проблематика в трудах, затрагивающих более поздние этапы истории Эпира, а именно — III—II вв. до н. э.; нельзя в этой связи не упомянуть капитальную монографию П. Кабана². Вместе с тем автор, рассматривая достаточно полно проблематику, связанную с очерченным выше периодом, лишь ретроспективно затрагивает ранние этапы истории Эпирского государства. В связи с этим из круга рассматриваемых исследователем проблем практически выпадает интереснейший период непосредственного становления эпирской государственности в его административно-политическом и социально-экономическом аспектах. Чрезвычайно интересная статья Т. В. Блаватской, посвященная некоторым вопросам социально-экономического развития Эпира в IV—II вв. и представляющая обширный и прекрасно аргументированный материал для размышлений, тем не менее в силу своей компактности и локальности затронутых проблем не может рассматриваться в качестве основополагающей работы по истории Эпира³. Практически единственным специальным трудом по истории становления Эпирского государства с попыткой решения вопроса об источниках его силы и жизнеспособности является монография К. Клоцша⁴. Однако, весьма интересная и созданная на базе скрупулезного анализа литературных источников, она устарела настолько, что практический интерес представляет лишь в качестве солидной фактологической компиляции. Не располагая эпиграфическими источниками, ставшими доступными лишь во второй половине XX в., Клоцш выдвинул предельно упрощенную схему развития античного Эпира на ранней стадии его государственности. Вызывают критические замечания и общие методологические посылки автора: предельно панегиристическое возвеличение роли молосской династии Эакидов в ущерб анализу реальных социально-экономических предпосылок образования Эпирского государства. Следует упомянуть также обширную работу Н. Дж. Л. Хэммонда⁵, посвященную истории Эпира. Однако исследователь, решая в ней глобальную задачу всестороннего изучения эпирской истории, порой недостаточно доказателен в своих выводах; П. Кабан в ходе полемики с Хэммондом указал на некоторые не вполне оправданные его построения⁶.

Таким образом, даже наиболее солидные исследования последних лет оставляли вне поля зрения вопросы ранней истории Эпира. Однако проблемы образования рабовладельческого государства всегда были основополагающими для отечественного антиковедения⁷. Эпир же в этом отношении до сих пор представляет собой малоизученный исторический феномен. Поэтому непосредственной темой данной статьи является вопрос о территориальной консолидации эпирских земель вокруг молосского раннегосударственного образования и проблема политической истории раннего Эпира. Вопрос этот при кажущейся локальности отнюдь немаловажен: ведь невозможно рассматривать глубинные социально-экономические и

¹ Nenci G. Pirro. Torino, 1953.

² Cabanes P. L'Épire de la mort de Pirrhos à la conquête romaine. 2-ed. P., 1980.

³ Блаватская Т. В. Рабовладельческие отношения в Эпире. — В кн.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969, с. 92—110.

⁴ Klotzsch C. Epirotische Geschichte bis zum Jahre 280. В., 1911.

⁵ Hammond N. J. L. Epirus. Oxf., 1967.

⁶ См., например, Cabanes. Op. cit., p. 115.

⁷ Златковская Т. Д. Образование государства у фракийцев. М., 1971; Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1983; Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; Шофман А. С. История античной Македонии. Т. I. Казань, 1961.

внутриполитические процессы развития государственности, не очертив территориально-политические рамки этого государства.

Приступая к рассмотрению территориальной консолидации античного Эпира, необходимо подчеркнуть, что само понятие "Ἠπειρος" несет двойную смысловую нагрузку: оно было определением чисто географическим, включающим многие области, населенные племенами, не всегда греческими по происхождению, а тем более далеко не всегда родственными. В таком, географическом смысле оно неоднократно упоминается ранними античными авторами. С другой стороны, определение это подразумевает наличие единого государства, именуемого, как и географический регион в целом, Эпиром; однако понятие это возникает сравнительно поздно, и, упоминая о том или ином эпирском племени в связи с какими-либо событиями, античные авторы практически никогда не именуют эти племена эпиротами, прилагая к ним племенные наименования. Понятие «эпирот» (Ἠπειρώτης) появляется, как мы постараемся показать ниже, в связи с возникновением Эпира как единого государства или по меньшей мере уже в процессе консолидации этого государства. И следовательно, начиная исследование проблемы возникновения этого государства как единого территориального целого, необходимо оговориться, что вплоть до середины IV в. до н. э. это название будет употребляться здесь в качестве понятия *географического*, определяющего районы Северной Греции и Южной Албании от Амвракийского залива на юге до устья Вьосы (Аосса) на севере, от побережья Адриатики на западе до горных массивов Томарос и Мицикели, разделявших античный Эпир и верхнемакедонские области, на востоке.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении указанного района, — это редкая даже для окраин античной Эллады раздробленность региона по племенному признаку, что подчеркивается и литературными источниками, упоминающими 11 или даже 14 племен (Strabo, VII, 323—326 С). Положение осложняется еще и тем, что далеко не каждое из этих племен можно убедительно локализовать⁸. Однако бесспорно, что не все эти племена определяли развитие эпирской государственности, а целый ряд их вообще являлся не чем иным, как составными частями тех или иных племенных объединений⁹. И значит, мы получаем возможность, рассматривая вопросы территориальной консолидации Эпира как целостного государственного образования, останавливаться подробно лишь на наиболее крупных племенах региона, обращаясь к мелким племенным группам лишь тогда, когда это будет вызвано необходимостью. Таких наиболее крупных племен Эпира насчитывается, по данным источников, три: феспроты, хаоны и молоссы.

Первым из эпирских племен, попавших в поле зрения и непосредственных интересов греческого мира, были феспроты (Ἠεσπρωτοί), чья гегемония в Эпирском регионе безусловна даже для первой четверти V в. до н. э. Уже в начале V в., а возможно и ранее феспроты считались собратьями эллинов. Свидетельством этого, на наш взгляд, служит тот факт, что феспроты на правах союзников принимали участие в битве при Платеях, причем Геродот (VIII, 47) не проводит принципиального различия между ними и амбракиотами, безусловными эллинами. Еще более определенно указывает на это обстоятельство Павсаний (V, 23,2), вообще помещающий амбракиотов в Феспротии. Не менее показательным представляется и тот

⁸ Hammond. Op. cit., p. 279.

⁹ Cabanes. Op. cit., p. 117—121.

факт, что Феспротия теснейшим образом связана и с греческой мифологической традицией, причем упоминается она в качестве хотя и наиболее отдаленной, но все же неотъемлемой части греческого мира. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить сообщение Павсания (IX, 30,6), связывающего Феспотию с местопребыванием Аида, т. е. с крайними пределами греческих земель. Ощущение единства феспротов с греческим миром, насколько можно судить, сложилось в эллинском сознании в достаточно ранние времена, — во всяком случае, эта мысль четко прослеживается в произведениях Гомера (II. XIII, 389; XVI, 482). Позиция Гомера по отношению к феспротам еще в античное время была прокомментирована Павсанием (IX, 36,3). Показательно, что и Страбон указывает на упоминание Гомером Феспротии в числе греческих областей (I, 28 С; 21 С). Мы склонны предполагать, что именно это рано осознанное (или высказанное) отождествление феспротов с эллинами привело к тому, что в последующее время, когда принадлежность Эпира к Греции стала уже общепризнанной, античные авторы подменяли понятие «эпироты» понятием «феспроты», не сомневаясь, что это будет понятно читательской аудитории (Paus., VI, 14,9). Более того, греческая традиция оказала влияние и на традицию латинскую, в результате чего в Риме возникло мнение о феспротах как о бесспорных эллинах, нашедшее отражение во фрагменте из Веллея Патеркула относительно основания Фессалии феспротом Фессалом (I, 3, 1—3).

Весь комплекс вышеприведенных данных дает основание утверждать, что феспротские племена Эпира очень рано включились в орбиту греческой экономики, политики и культуры. Но каковы же были объективные предпосылки этого процесса? Отвечая на этот вопрос, целесообразно отталкиваться от географического местоположения Феспротии. Непосредственно примыкая к собственно греческим областям, эта страна очень рано (едва ли не в гомеровские времена) стала объектом греческой колонизации. Именно на территории Феспротии были основаны колонии Элиды (Strabo, VII, 324 С; VII, 32) — Пандосия и Элатрия; к феспротским территориям непосредственно примыкали земли Амбракии. Нет сомнений, что выгодное приморское положение способствовало быстрому росту феспротской торговли, а следовательно, активизации общения с греческими колониями. Последние же, находясь в окружении крайне отсталых горных племен Эпира, либо располагаясь в опасной близости от иллирийских владений, либо, наконец, раздираемые внутренними социальными противоречиями, доходившими до открытой «смуты» (στάσις — Thuc., I, 24,5), вынуждены были искать союзников. Такими союзниками, как представляется, стали для них именно феспротские племена. Тесные же экономические и политические связи обусловили признание феспротов эллинами задолго до того, как это было сделано по отношению к македонянам и тем более к остальным эпирским племенам. Элейские же колонии вплоть до середины V в. должны были, безусловно, весьма дорожить таким союзником в силу того, что в это время феспроты были наиболее могущественным из эпирских племен¹⁰.

Нет сомнений, что феспротская гегемония в эпирском регионе продолжалась до середины V в. Вывод этот со всей очевидностью напрашивается в результате анализа территориального состава Феспротии. Еще в конце VI — начале V в. в состав феспротских владений входили обширные территории на западе и юге Эпира, включая верховья р. Ахерон и земли западнее горного массива Томарос¹¹; в тот период под власть феспротов на-

¹⁰ Ibid., p. 114.

¹¹ *Dacaris S. I. Thesprotia*. Athens, 1972, p. 86.

ходила и Додона, древнейший сакральный центр Эпира, впоследствии ставшая политическим центром Молоссии (Strabo, VII, 328 C). В середине V в. началось постепенное ослабление феспротов. Исследователи не пришли к единому мнению относительно датировки периода, когда под натиском сначала хаонов и молоссов, а затем преимущественно последних феспротские владения начинают сокращаться¹². Несомненно, однако, что уже к 429 г. феспроты теряют положение и репутацию сильнейшего эпирского племени. Фукидид, описывая военные действия в интересующем нас регионе, на первое место ставит хаонов, «варваров», по его определению, причем ясно указывает, что именно они считались «лучшими воинами в этой стране»; феспроты выступили в поход «вместе с хаонами» (Thuc., II, 80,5; 81,4—5). Здесь феспроты выступают в поддержку амбракиотов, своих традиционных (Herod., VIII, 47) союзников, но из свидетельства Фукидида следует, что главной силой в регионе стали именно хаоны. Наряду с утратой горных районов, концентрирующихся вокруг Додоны, сама Феспротия распадается на две части: от нее отделяется Кассопея, область, непосредственно граничащая с Амбракией¹³. Принадлежность кассопеев к феспротским племенам не вызывает сомнений (Strabo, VII, 321 C), однако уже во второй четверти IV в. они выделяются во вполне независимую политическую область. В целом результатом прогрессирующего политического (но отнюдь не обязательно экономического) упадка Феспротии был в конце концов тот факт, что обширное и могущественное племенное объединение феспротов, еще в 480/79 г. включавшее в сферу своего влияния весьма крупную по масштабам региона территорию от островов Керкира и Левкада вплоть до Амбракийского залива (Herod., VIII, 47), начиная с середины V в. быстро слабеет и уже к 429 г., утратив многие области, разделяется на два государственных образования и вынуждено выступать в роли союзника нового претендента на общеэпирскую гегемонию — хаонов (χαῶνες).

Хаонские племена в отличие от феспротов в глазах греков безусловно были варварскими, причем настолько, что традиция даже отказывала им в балканском происхождении. Любопытно в этой связи сопоставить данные, сообщаемые Страбоном со ссылкой на Гекатея Милетского о хаонах, с одной стороны, и феспротах, а также молоссах — с другой. Если последние в его глазах — безусловно эллины или, во всяком случае, их близкие родственники, — автор подтверждает это экскурсами в область греческой лингвистики и молосско-феспротско-македонского единства (Strabo, VII, 1a, 2), то относительно хаонов Страбон (VI, 253; 264) убежден, что они суть италийские племена, вытесненные через пролив самнитами. Эта гипотеза при всей своей фантастичности хорошо отражает отношение античного автора к хаонам как к племени, очевидно, наименее соприкоснувшемуся с греческим миром. Именно хаоны, слышущие в это время «лучшими воинами» Эпира (Thuc., II, 81,4), начинают в последней трети V в. постепенное продвижение на юг, так что скорее перед нами предстает картина шаткой, но вполне очевидной гегемонии хаонов в Эпирском регионе (Thuc., II, 80, 81; Strabo, VII, 323—326 C). Именно в роли гегемонов выступают они в период боев 429 г. при г. Страте между лаконскими союзниками и контингентами афинян. Особо показательно, что, будучи упомянутыми современником в качестве первостепенных союзников лакедемонян, хаоны объединяют под своим верховным руководством практически все племена регио-

¹² Cabanes. Op. cit., p. 113 suiv.

¹³ Dacaris S. I. Cassopaia and the Elean Colonies. Athens, 1971, p. 13, 71, 113 f.

на — и феспров и, более того, молоссов. Причем, если в отношении феспров, старых союзников Амбракии, это не так уж удивительно, то присутствие в рядах антиафинской коалиции молоссов — явление более чем странное. Уже в этот период, да собственно и гораздо раньше Молоссия в своей политике ориентируется на Афинскую Архэ (подробнее об этом будет сказано ниже). И выступление против афинян, противоречащее принципам этой долговременной ориентации, могло иметь место только в результате влияния, которым в этот период пользовались в рамках региона хаоны; впрочем сообщение Фукидида (II, 80,4) дает понять, что территориальные притязания хаонов простирались в тот период даже и за пределы Эпирского региона — вплоть до раздела с Амбракией акарнанских территорий.

После поражения при Страте хаонская гегемония, как можно предположить, ослабевает; хаоны на длительный период времени отказываются от осуществления активной внешней политики, что было вызвано, вполне вероятно, началом экономического кризиса: если верить данным Псевдо-Скилака (29—30), то даже спустя два-три десятилетия на территории Хаонии наблюдались явные следы экономического упадка. Именно с этого времени политическая гегемония в регионе переходит к молоссам. Что же касается Хаонии, то ее роль в интересующей нас территориальной консолидации Эпирского государства оказывается ничтожно малой вплоть до нового периода усиления, начинающегося не ранее последней трети IV в. до н. э., одновременно с объединением Хаонии вокруг Фойники. Впрочем, эта проблема, как и иные, связанные конкретно с Хаонией, подробно рассмотрена в литературе¹⁴. Значительно важнее то, что в конце V в., после окончательного упадка Феспротии и окончания короткого периода хаонской гегемонии, на первый план в Эпирском регионе выдвигаются молоссы (*μολοσσοί*) — третье из крупнейших племенных объединений Эпира.

Исконными землями молосских племен в современной литературе единодушно признается долина Янины, ограниченная восточными склонами горных массивов Томарос и Ксеровуни¹⁵. Непосредственно к молосским землям примыкали горные области, впоследствии вошедшие в состав Македонии, но в V в. современники называли их эпирскими — Тимфея, Паравея, Орестиды (Thuc., II, 80). В отличие от феспров и хаонов, чья социальная структура в своем развитии, согласно данным того же Фукидида (II, 80, 5), уже прошла стадию власти гентильных басилеев и стабилизировалась на уровне аристократического правления магистратов, ежегодно переизбираемых из «правлящих родов», молосские племена сохранили институт царской власти, представленной в Молоссии династией Эакидов.

В сферу греческой политики молоссы входят в первой четверти V в., причем уже в этот период характерной чертой молосской политики была афинская ориентация. Царь молоссов Адмет официально обращался за помощью к Афинам (по неизвестному поводу), однако из-за противодействия Фемистокла получил отказ (Thuc., I, 136, 4). Попытка опереться на Афины вполне понятна: усиливавшееся молосское государственное образование помимо прочего не могло не ставить перед собой в качестве одной из основных задач получение выхода к морю. Море же было отрезано от горных молосских районов феспронтами, территориями Амбракии и элейских колоний, стоявших на стороне Спарты, и в такой ситуации Афины были для молоссов единственно возможным союзником. Впрочем, в то время для

¹⁴ *Paikowski W.* Die Hegemonie der Chaoner. — UAM, v. 3, Poznan, 1969.

¹⁵ *Cabanes.* Op. cit., p. 112 suiv.; *Hammond.* Op. cit., p. 78—80.

достигших высочайшего взлета Афин молоссы, как можно заключить по реакции Фемистокла на просьбу Адмета, особого интереса не представляли. Здесь интересно само стремление молоссов уже на этом раннем этапе формирования их государства выйти за пределы узкорегionalной политики, заручиться союзом с наиболее развитым государством Эллады. Сам же факт прибытия посольства Адмета в Афины и общий тон повествования Фукидида позволяют судить о том, что молоссы (во всяком случае, гентильная знать) рассматривались греками наравне с феспротами, — но в отличие от хаонов! — как представители греческого мира, периферийные, слабо организованные, но все же эллины по крови и духу. Показательно, что изгнанный из Афин Фемистокл обращается к Адмету, апеллируя доводами, построенными в духе чисто греческого понимания гуманности, т. е. обращаясь как равный к равному (Thuc., I, 136, 2—4; Plut., Them. 25). Следующий известный нам эпизод с участием молоссов до их выхода на политическую арену Эпира в качестве гегемонов — уже упоминавшаяся битва при Страте, где молосские войска принимали участие на стороне хаонов. Впрочем, уже в это время видны признаки постепенного усиления Молоссии: под командованием молосского правителя сосредоточены отряды иных племен, в частности атинтанов, что определенно указывает на зависимость последних от Молоссии¹⁶. Спустя некоторое, очевидно, не очень продолжительное время царь молоссов Фарип (сын или, вероятнее, внук Адмета) посещает Аттику (Just., XVII, 3, 12). Эта внешнеполитическая акция заставляет думать, что поражение при Страте, как мы и предполагали выше, стало началом конца хаонской гегемонии и молоссы получили возможность не соотносить свою политику с устремлениями претендентов на общеэпирскую гегемонию. Содержание сообщения Юстина не оставляет никаких сомнений в том, что этот визит был фактически важнейшим событием, официально закрепившим афино-молосский союз. Более того, вернувшись из Афин, царь Фарип реорганизует управление Молоссией, создав стройную систему органов власти, что стало важнейшим шагом на пути превращения рыхлого племенного объединения в государство. В нашу задачу не входит рассмотрение объективных, социально-экономических предпосылок этого важнейшего факта, однако следует отметить, что к этому времени внутреннее экономическое и социальное развитие эпирских областей, несомненно, соответствовало преобразованиям Фарипа и последние явились, очевидно, лишь законодательным оформлением назревших в самом молосском обществе изменений¹⁷.

Сам по себе вопрос о дате возникновения государства молоссов и его внутренней сущности достаточно спорен; во всяком случае, датировка образования Эпирского государства колеблется от конца V в. — времени «реформ Фарипа»¹⁸ — до конца IV в.¹⁹ Впрочем, обе гипотезы недостаточно аргументированы, и нельзя не согласиться с мнением П. Кабана и П. Леве-

¹⁶ Некоторые исследователи делают из этого факта далеко идущие выводы; см. Hammond. Op. cit., p. 683.

¹⁷ Т. В. Блаватская (Рабовладельческие отношения...) подробно и скрупулезно рассматривает социально-экономические аспекты развития Эпира в этот период и вполне обоснованно приходит к выводу о поступательно развивающемся в регионе процессе становления полиса и рабовладельческих отношений. Ср. она же. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983, с. 217—220.

¹⁸ Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. III, 2, S. 171; Klotzsch. Op. cit., S. 52.

¹⁹ Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. II. München, 1926, S. 1470—1478.

ка²⁰, которые, опираясь на выдвинутые еще Г. Нильсеном тезисы, предлагают искать искомую дату примерно в середине этого временного интервала. При рассмотрении консолидации эпирских земель вокруг Молосского государства и образования государства *Ἠπειρος* целесообразным представляется остановиться и на структурных формах, которые принимало это государство по мере своего утверждения.

Первым этапом становления Молосского государства в качестве центра объединения эпирских племен, на наш взгляд, следует признать период, совпадающий с правлением упомянутого выше царя Фарипа, т. е. примерно 430/29 г. — конец V в. до н. э. Освободившись из-под хаонского влияния после битвы при Страте, Молоссия начинает проводить активную самостоятельную политику, как внутреннюю (упомянутые выше «реформы Фарипа»), так и внешнюю. Оценивая итоги внутривосточного развития Молоссии на этом этапе, мы должны признать, анализируя данные Юстина (XVII, 3, 12), что царская власть существенно укрепляется — царь уже не только не нуждается в «опекунах», как ранее (Thuc., II, 80, 6; Just., XVII, 3, 11), но и располагает возможностью санкционировать проведение в Молоссии важнейших административных преобразований (введение новых магистратур, в первую очередь «сената», как его именует Юстин, т. е. Буле, название которой попадает в эпирской эпиграфике). Такая реорганизация свидетельствует об укреплении царской власти, так как выборный Совет был создан, как мы полагаем, с целью ограничения влияния до того весьма сильных в Молоссии традиционных родо-племенных институтов. Внешняя политика Молосского государства на этом этапе характеризуется началом активной экспансии в направлении соседних территорий: после присоединения феспротских земель в конце V в. молоссы вырываются из горных ущелий восточнее массивов Томарос и Ксеровуны и устанавливают контроль над их западными склонами. Именно в это время под власть молоссов переходит Додона, которая еще во времена «Пиндара и трагиков (т. е. даже в середине V в. — Л. В.) была феспротской» (Strabo, VII, 329 C); во всяком случае, с начала IV в. в районе Додоны появляются эпиграфические документы Молосского государства²¹. Молосская экспансия, впрочем, не ограничивалась натиском на Феспротию: если ранее, в 429 г., в некоторой зависимости от молоссов находились атинтаны, то к началу IV в. Атинтания уже стала составной частью Молоссии; следовательно, под контролем молоссов оказывается весь бассейн Дрины, т. е. часть исконно хаонских территорий²².

Следующий этап территориального расширения Молосского государства связан с борьбой за приобретение выхода к морю, которая проходит в тесной взаимосвязи с общегреческой политикой, выражавшейся в борьбе афино-фиванской коалиции со Спартой и ее союзниками. Судя по данным источников, выхода к морю молоссам удалось добиться уже в первой четверти IV в. В 373 г., откликаясь на просьбу своих традиционных союзников — керкирян, афиняне снаряжают им в помощь отряд пельтастов под командованием Ктесикла; в связи с необходимостью переправы этого контингента на Керкиру афиняне обращаются за содействием к молосскому царю Алкету, чьи владения находятся напротив Керкиры (Xen., Hist. VI, 2, 9—10). Естественно, что Алкет мог содействовать переправе, лишь контролируя как минимум часть побережья Адриатики, до тех пор

²⁰ *Leveque P. Pyrrhos. P.*, 1957, p. 98—100, 117—122; *Cabanès. Op. cit.*, p. 151—155, 172—185.

²¹ *Блаватская. Рабовладельческие отношения...*, с. 94.

²² *Cabanès. Op. cit.*, p. 115 *suiv.*

принадлежавшего феспротам. Последовательная проафинская политика Молоссии в этот период еще более укрепляется. Отправленная в Эпир для борьбы с лаконскими союзниками, в первую очередь с Амбракией, экспедиция Тимофея сталкивается у берегов Эпира с сильным лаконо-амбракийским флотом (Хен., Hist. V, 4,65—66). В ходе кампании Тимофею, искавшему союзников, удалось «убедить перейти на сторону афинян акарнанские города. Далее он заключил дружественный союз с Алкетом, царем молоссов, и вообще присоединил к себе большую часть находящихся в этих местах городов» (Diod., XV, 36,5). Из сообщения Диодора легко сделать выводы о неравнозначном отношении Тимофея, представившего в данном случае Афины, к различным племенам региона. Если акарнанские полисы он «убеждает», а в отношении других употребляет меры, расплывчато названные историком «присоединением к себе», то отношения его с Алкетом Молосским строятся на базе «дружественного союза», иными словами, официально оформленного договора, что ясно подтверждает тезис об укреплении союзнических афино-молосских связей в первой четверти IV в. В это же время упрочиваются связи Молосского государства и с другими государствами Греции: характерно, что фессалийский таг Ясон устанавливает прочные контакты с Алкетом, причем следует отметить, что, по Ксенофону, в речи, произнесенной фессалийцем Полидамантом в Спарте около 374 г., молосский царь Алкет именуется «правителем Эпира» (Хен., Hist. V, 4,65—66), что конечно, еще не соответствует истине, но определенно подчеркивает степень молосского влияния в Эпирском регионе.

Примерно в это же время, по данным Псевдо-Скилака (32), молоссы приобретают еще один участок побережья, на этот раз — на юге, вдоль берега Амбракийского залива. Подробности присоединения этой, как явствует из текста, небольшой территории нам неизвестны, но и не суть важны: существеннее то, что тем самым Феспротия потеряла непосредственные границы с Хаонией на севере и Амбракией на юге и оказалась полностью окруженной молосскими землями. Районом выхода молоссов к морю на севере, согласно указанию Т. Ливия (VIII, 24), стал бассейн реки Ахерон, ранее отделявшей Феспротию от Хаонии, а с первой четверти IV в. полностью охваченный молосскими территориями.

Анализируя дальнейший процесс территориального расширения Молоссии и консолидации эпирских племен в рамках единого государства, необходимо учесть, что данные литературных источников, освещающих события 70—60-х годов IV в., крайне скудны. В силу этого основным источником становятся эпирские надписи, найденные и опубликованные в последние десятилетия. Опираясь на эту группу источников, можно получить ответы и на вопросы, связанные с внутривнутриполитическим становлением Молосского государства. Наиболее приемлемой начальной точкой отсчета становятся в таком случае данные, содержащиеся в эпидаврском списке теародоков, датированном примерно 360/359 г. (IGIV², 94—95). Здесь под общей рубрикой "Νηγερος, употребляемой в качестве понятия исключительно географического, перечисляются следующие области и города: Пандосия, Кассопея, Феспротия, Керкира, Хаония, Артихия, Молоссия, Амбракия и Аргос Амфилохийский. Уже из этого перечисления видно, что основные племена и области Эпира в этот период сохраняют политическую независимость, причем Кассопея уже существует как отдельное от Феспротии государственное образование. Отсюда следует, что к рубежу 70—60-х годов IV в., несмотря на перечисленные выше успехи, связанные с аннексией феспротских и хаонских территорий, Молоссия в данном документе выступает лишь одним из многих государств региона, упоминающимся даже не на пер-

вом месте. Безусловно, данные эпидаврского списка довольно скудны, и единственная реальная польза для нас заключается здесь в самой возможности определения политической структуры региона. Однако эти возможные данные хорошо дополняются сведениями, содержащимися в документах, обнаруженных в 50—60-х годах нашего века при раскопках Додоны, а именно — в списках эпирских магистратов IV в.

Наиболее ранний из них — список демиургов²³, включающий помимо упоминания царя и высших магистратов (простата и секретаря) перечисление десяти магистратов, представляющих соответственно 10 племен, входящих в это время в Молосское государство: арктаны, триполиты, келайты, пейалы, генайи, этнесты, трифилы, омфалы, амимны, оноперны. Нет необходимости подробно останавливаться на анализе происхождения и местоположения этих племен; следует лишь еще раз подчеркнуть, что все они были или мелкими этническими общностями, составляющими в целом молосское объединение, или во всяком случае, входили в его состав в период не позднее конца V в., — это особенно ярко видно на примере онопернов, племени феспротского происхождения²⁴, но вошедшего в состав Молоссии в результате присоединения последней бассейна Ахерона (Liv., VIII, 24). Однако в таком случае следует признать, что это племя, сравнительно недавно присоединенное молоссами, уже к 60-м годам IV в. располагает равным с исконно молосскими племенами правом представительства в общемолосских магистратурах. Можно предположить, что именно в этот период молосская монархия начинает вырабатывать гибкие принципы внутривнутриполитических связей, обеспечивавших всем племенам формальное равноправие в рамках царства Эакидов и, следовательно, значительно ослаблявших их потенциальные центробежные тенденции.

Второй список магистратов, именуемых синархонтами²⁵, датировать сложнее; впрочем, как будет видно ниже, в нем присутствуют племена, позже отторгнутые от государства молоссов Филиппом II Македонским, а следовательно, список этот нельзя датировать периодом позже 344 г. По сравнению с первым списком этот документ содержит упоминания о пяти новых племенах: опуях, филатах, квестах, орестах, паравеях. Это крайне интересное перечисление проливает свет на появление новой тенденции в территориальном расширении Молосского государства во второй четверти IV в. Особое внимание следует обратить на племена орестов и паравеев, ибо в отличие от первых трех они хорошо известны по данным литературных источников. Несколько позже оресты и паравеи, войдя в состав Македонии, становятся неотъемлемой частью Македонского государства; более того, большинство исследователей признает эти племена македонскими²⁶. Однако при рассмотрении этого вопроса нельзя не обратить внимания на тот факт, что в более ранние времена, еще в начале IV в., история этих племен была неразрывно связана отнюдь не с Македонией, но с Эпирским регионом; во всяком случае, в V—IV вв. именно к эпирским племенам относят античные исследователи как орестов, так и паравеев (Thuc., II, 80, 6). Представляется, что разницей в источниках, именующих иногда паравеев паророями, не должен смущать нас, коль скоро те же источники прямо идентифицируют Паравею с Паророей (Strabo, VII, 326 C). Таким образом, можно подчеркнуть возникновение на рубеже 70/60-х годов IV в.

²³ Ibid., p. 534 suiv., № 1.

²⁴ Hammond. Op. cit., p. 529 f.

²⁵ Cabanes. Op. cit., p. 536—539, № 2.

²⁶ См. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980, с. 25 сл.

новой тенденции в территориальной экспансии Молосского государства, а именно продвижение его в сторону горных районов, отделявших Эпирский регион от Македонии. И несомненно, это продвижение делает вполне реальной возможность столкновения между двумя быстро усиливающимися государствами: Молоссией и Македонией. Следует также отметить, что наличие в списке синархонтов орестов и паравеев еще раз указывает на предоставление вновь присоединенным племенам равноправного юридического статуса в системе Молосского государства; причем, если мера эта по отношению к онопернам, племени не молосскому, но безусловно эпирскому, не столь удивительна, то вызывает недоумение применение ее в отношении племен, чье эпирское происхождение было достаточно спорным.

На рубеже 60/50-х годов IV в. в обстановке, способствующей возникновению молосско-македонских территориальных противоречий, начинают укрепляться связи между двумя государствами — Молоссией, представленной царем Аррибой (360—344 гг.), и Македонией эпохи начала правления Филиппа II. Начало этого периода характеризуется внешне- и внутривнутриполитическим кризисом Македонского государства (Just., VII, 5,4—7; 6,3—4; Diod., XVI, 2—4); несмотря на определенные успехи (Diod., XVI, 3; Dem., XXIII, 121), Филипп II в такой ситуации не мог идти на открытую конфронтацию с Молосским государством, поддерживавшим крепкие союзные отношения с Афинами (Syll.³, 3,228). В любом случае столкновение с Молосским государством могло иметь губительные последствия для Филиппа II. В этих условиях последний, стремясь выиграть время для подготовки к осуществлению своей внешнеполитической программы (Just., VII, 6,8), проявил политическую гибкость, предложив молосскому правителю династический союз; выражением такого союза стал заключенный около 357 г. брак Филиппа с Олимпиадой, племянницей Аррибы. Конкретных свидетельств о том, что заключение брака сопровождалось определенными уступками территорий со стороны Македонии, нет, однако Юстин сообщает: «...Арриба рассчитывал, что благодаря свойству с Филиппом он увеличит свое царство» (VII, 6, 12). Это четко указывает на возможность таких уступок; как представляется, наиболее вероятным условием союза мог быть отказ македонского царя от претензий на Орестиду и Паравею в пользу Молоссии. Иные варианты решения вопроса, по нашему мнению, малоубедительны: экспансия в направлении феспотских земель и борьба с хаонами протекали для молоссов успешно и без помощи Македонии, к тому же Филипп и не мог в то время оказать им реальной помощи. Думается, что нейтралитет Молосского государства мог быть обеспечен лишь уступкой вышеуказанных спорных областей, т. е. отказом Филиппа от претензий на них.

Таким образом, к началу 50-х годов на севере Греции одновременно с усилением Македонии усиливается Молосское государство, которое если и не соперничало с Македонией в планах установления панэллинской гегемонии, то, во всяком случае, явственно претендовало на гегемонию региональную, что в свою очередь создавало возможность молосско-македонской конфронтации. В самом деле, не объединив собственно македонские, в том числе и верхнемакедонские, области, для Филиппа было невозможно вмешиваться в общегреческую политику. Кроме того, учитывая резкое столкновение афино-македонских интересов, нельзя не признать, что Молосское государство, традиционный союзник Афин, представляло реальную опасность для планов македонского царя. Рассчитывать на успех антиафинской кампании, не обезопасив тыл от молосской угрозы, не при-

ходилось даже после заключения династического альянса. Единственным реальным выходом для Филиппа оказалось устранение Аррибы и установление в Молоссии режима, зависящего от македонского царя (Diod., XVI, 72,1). В результате инспирированного Филиппом дворцового переворота молосским царем около 344 г. становится Александр, родной брат Олимпиады (Just., VIII, 6,4—8). Подробности дальнейшего развития событий неизвестны; не вызывает, впрочем, сомнения, что на время опасности со стороны Молоссии была Филиппом ликвидирована и горные области Орестида и Паравея отошли к Македонии, став отныне ее неотъемлемой составной частью (Arr., 18; Curt., X, 7,8). Вместе с тем следует подчеркнуть, что Эпир не стал «вассалом» Македонии. Такая точка зрения высказывалась ранее даже в более категоричной форме²⁷, однако уже тот факт, что Филипп не применил к Молоссии военных санкций, не включил ее в состав своего государства, и, наконец, все дальнейшее развитие событий, связанных с именем Александра Молосского, позволяют утверждать, что временное ослабление Молоссии отнюдь не означало установление над ней своего рода македонского «суверенитета»²⁸.

С именем царя Александра Молосского (344—331/330 гг.) неразрывно связан последний этап существования в рамках Эпирского региона собственно Молоссии — этап, предшествующий возникновению на базе Молоссии (*χοινόν τῶν μόλοσων*) нового государства, именуемого Эпиром, причем термин этот здесь употребляется уже в качестве административно-политической дефиниции. Трансформация Молоссии в Эпир происходит спустя не более полутора десятков лет с момента прихода к власти Александра Молосского. Этапы заключительного периода территориальной консолидации и внутривнутриполитического оформления Эпира целесообразно рассматривать на базе анализа нового, аргосского списка теародоков, датированного примерно 331/330 г., т. е. самым концом правления Александра Молосского²⁹. В этом списке перечислены совершенно новые по сравнению с данными эпидаврского списка независимые области региона: Аргос Амфилохийский, Амбракия, Эпир (*Ἐπίρος*), Фойника, Керкира, Аполлония. Как видно из простого сравнения, политическая структура региона претерпела серьезные изменения. Сохраняют независимость греческие полисы региона (хотя и не все) и Хаония, которую в списке, вне всякого сомнения, представляет Фойника. Но Феспротия, Кассопея, Пандосия, выступившая в эпидаврском списке от всех элейских колоний, как независимые государства более не упоминаются. Исчезает и Молоссия; вся совокупность этих территорий получает наименование Эпир. Следовательно, под этим наименованием составители списка подразумевают новое, сложившееся в предшествующие годы государственное образование, включившее в себя наряду с Молоссией также Феспротию, Кассопею и элейские колонии (Элатрию, Пандосию и, возможно, Бухетион). Характерно, что от имени Эпира аргосских феоров принимает молосская царица Клеопатра, супруга отсутствовавшего в это время Александра Молосского; отсюда, естественно, напрашивается вывод, что новое государство было образовано под эгидой Молоссии.

Для завершения исследования интересующих нас проблем необходимо проследить этапы трансформации Молоссии в Эпирское государство, про-

²⁷ Шофман. Ук. соч., с. 254.

²⁸ Позиция А. С. Шофмана, как представляется, в данном случае обусловлена тем, что исследователь упоминает об Эпире (даже не о Молоссии) лишь вскользь, не ставя перед собой задачи разобраться в истинном положении вещей.

²⁹ *Charnoux P.* Liste argienne de thearodoques.— BCH, 1966, 90, p. 156—239, 710—714.

цесс территориальной консолидации последнего и в той мере, в какой это окажется возможным, общие принципы его внутривластической организации.

В 342 г. Филипп II, завоевав элейские колонии, передал их своему эпирскому ставленнику и родственнику Александру Молосскому³⁰; это были первые территориальные приобретения Александра. Удивительно на первый взгляд, что Филипп, последовательно расширявший свои владения, поступил столь важными как в экономическом, так и в стратегическом плане прибрежными районами. Однако это становится понятным, если учесть, что Александр Молосский, как будет показано ниже, очень скоро обнаружил тенденцию к выходу из-под македонского влияния. Сильное Молосское государство могло представлять реальную опасность, поэтому, на наш взгляд, Филипп II и передал эти города Александру в качестве компенсации за отторгнутые горные области, тем более что их географическое положение затрудняло закрепление в указанных районах македонян. К тому же, передавая элейские колонии Молоссии, Филипп провоцировал разрыв дружественных связей Молосского государства с Афинами; разрыв этот действительно произошел (*Dem.*, VII, 32), что существенно ослабило обоих сильных противников Македонии. Исследователи, рассматривавшие историю элейских колоний, полагают, что после присоединений их к Молосскому государству Кассопа, тесно связанная экономически с Пандосией и другими элейскими полисами, не могла долго сохранять самостоятельность и быстро вошла в состав владений Александра Молосского³¹.

Правление Александра Молосского было временем резкого усиления Молоссии, роста ее значения в регионе. Во всяком случае, уже к 336 г., повествуя о церемонии бракосочетания дочери Филиппа II, в то время уже гегемона Греции, с Александром, Юстин титулует их одинаково — «великие цари» (IX, 6,1—2). Бракосочетанию этому предшествовали события, рассмотреть которые здесь представляется необходимым, ибо они указывают не только на возникшее на рубеже 40—30-х годов IV в. охлаждение между Филиппом II и Александром Молосским, но и на наличие прямой конфронтации между Молоссией и Македонией; причем кажется несомненным, что конфронтация эта стала результатом нежелания Александра следовать в фарватере македонской политики.

Хорошо известны события, связанные с удалением из Македонии Олимпиады и Александра, сына Филиппа II, и появлением их в Молоссии, при дворе царя (*Just.*, IX, 7,5; *Plut.*, *Alex.* 9); несомненно, это было бы невозможно, будь Александр Молосский по-прежнему тем послушным орудием Филиппа, каким был он в начале своего правления. Радужный прием, оказанный членам царской фамилии, является, на наш взгляд, достаточно убедительным свидетельством враждебности молосского царя по отношению к Филиппу. Более того, источники ясно указывают на готовность Александра Молосского к войне с Македонией (*Just.*, IX, 7,5). Опасаясь войны, Филипп принял меры для политического решения назревающего конфликта, предложив молосскому царю заключить брак со своей дочерью. Брак этот состоялся и был отпразднован в македонской столице с величайшей пышностью (*Just.*, IX, 6,1), свидетельствовавшей о том значении, которое Филипп придавал совершающемуся бракосочетанию. Во время этих празднеств Филипп был убит, причем именно в тот момент, когда стража отстала и рядом с македонским царем находились только два Александра — сын

³⁰ *Theopomp.*, fr. 228; *Dem.*, VII, 32; *Strabo*, VII, 324 C.

³¹ *Cabanes. Op. cit.*, p.131.

и зять, царь молоссов (Just., IX, 6,4). Если верна гипотеза, согласно которой организаторы убийства Филиппа — его жена и сын (Plut., Alex. 10; Just., IX, 7,9), то представляется возможным причислить к ним и эпирского царя: он давно уже тяготился давлением со стороны Филиппа, а бездействие его (как и бездействие Александра, сына Филиппа) в момент покушения, благодаря чему убийца едва не спасся, говорит о его по меньшей мере осведомленности. В любом случае гибель Филиппа вполне соответствовала планам Александра Молосского, ибо с исчезновением македонского царя ничто более не мешало активизации внешней политики Молоссии.

После гибели Филиппа Александр Молосский осуществляет планы обширных завоеваний. Можно предположить, что именно в это время с политической карты Эпирского региона исчезает Феспротия; действительно, событие это не могло произойти позже 334 г., т. е. года, когда Александр Молосский отбыл в Италию, строя планы широких завоеваний на Западе (Just., XII, 2, 1). Мы полагаем, что еще в период пребывания Александра Македонского в Молоссии между ним и молосским царем была достигнута договоренность о разделе сфер влияния и одновременном начале завоевательных походов, что косвенно подтверждается и источниками (Just., XII, 2,2). Мощь Эпира в это время неоспорима: она подтверждается и успешными боевыми действиями Александра Молосского в Италии (Liv., VIII, 3,17,24), и, кроме того, отношением к молосскому царю Александра Македонского, который, строя планы всемирной гегемонии, ставит завоевание Эпира лишь в качестве завершающего пункта своей программы-максимум (Curt., X, 1,17—18; Diod., XVIII, 4, 35). Более того, узнав о гибели молосского царя, Александр откровенно радуется, лишь в силу приличий «притворяясь огорченным» (Just., XII, 3,1).

Таким образом, проследив пути территориальной консолидации областей Эпира вокруг Молосского государства, мы видим, что уже в середине 30-х годов IV в. под властью Александра Молосского объединяется большинство эпирских областей, включая Феспротию и ряд греческих полисов побережья; уже к 330 г. в аргосском списке фигурирует новое государственное образование, возглавляемое молоссами и именуемое Эпиром. Остается только рассмотреть, хотя бы вкратце, на каких внутривосточных организационных принципах строилось это государство. Выше уже упоминались некоторые административные институты Молоссии и подчеркивалось, что доступ в коллегию магистратов был открыт для представителей всех племен, входивших в ее состав. Но вплоть до 360 г. право на представительство имели только племена, издавна входившие в состав Молосского государства; упоминание в списке молосских магистратур орестов и паравеев мало что добавляет в силу кратковременного пребывания их в составе Молосского государства. Только рассмотрение процессов, происходивших в 30-х годах IV в., может дать хотя бы частичный ответ на вопрос о причинах преобразования Молоссии в Эпир, т. е. государства молоссов в государство эпиров.

Известно, что к концу 30-х годов IV в. и даже несколько ранее под властью Молосского государства оказались одни за другими элейские колонии, Кассопея и, наконец, Феспротия. Но при этом имеется целый ряд бесспорных нумизматических материалов, доказывающих, что именно в это время указанные области продолжали чеканить свою собственную монету³². То, что племена, входившие в состав единого государства, располагали столь важной привилегией, нельзя объяснить не чем иным, как

³² Franke P. R. Die antiken Münzen von Epirus. I. Wiesbaden, 1960, S. 47—51.

особым статусом, предоставленным им после присоединения к Молосскому государству. Причина предоставления центральной властью таких привилегий понятна: впервые в состав Молоссии включались территории, стоящие на достаточно высоком уровне экономического развития, в том числе и греческие полисы. Простое подчинение их стало бы фундаментом для роста центробежных тенденций и ослабления Молоссии. Реальной альтернативой явился, на наш взгляд, иной вариант решения задачи, а именно — предоставление этим племенам и территориям полноты прав, принадлежащих молосским племенам: структура институтов Молоссии делала такое решение возможным. В этой связи становится понятным и сохранение за вышеуказанными областями обширных экономических привилегий. Следует согласиться с высказанным ранее мнением, что формально Молосское государство было преобразовано в конце 30-х годов в государство дуалистическое, молосско-феспротское, причем молоссами был даже уступлен феспрота́м определенный регион, ранее у них аннексированный³³. Как бы там ни было, реальная верховная власть несомненно принадлежала молосской династии.

Таким образом, следует признать, что созданное молоссами племенное политическое образование в течение первой половины IV в. созрело настолько, что смогло ставить перед собой задачи установления общерегиональной гегемонии. На базе роста рабовладения и общего социально-экономического прогресса³⁴ развитие Молосского государства вступило в 30-х годах IV в. в новую, качественно более высокую стадию, связанную с включением в его состав областей более развитых, нежели Молоссия, в социально-экономическом и культурном отношениях. Необходимо интенсифицировать эти области и обеспечить укрепление государства сделало возможным любопытное внутреннее преобразование Молоссии, в результате чего ранее племенное Молосское государство становится своего рода симмахией или даже симполитией, в рамках которой основные племена были свободны в решении своих внутренних дел, задачи же общегосударственные решались на уровне общегосударственных институтов при координирующем влиянии молосской династии; при этом доступ к государственным магистратам был открыт как для молоссов, так и для представителей прочих племен.

Все вышеизложенное означает, на наш взгляд, что в конце 30-х годов IV в. прекращает существование собственно молосское племенное государство и рождается государство новое, территориальное по сути, именуемое уже не по этническому, но по географическому принципу. И несмотря на то, что Эпир к 330 г. еще не включал в свой состав все области региона (сохраняли независимость Хаония и Амбракия), было положено начало поступательному развитию эпирского территориального государства, последовательно включавшего в свой состав территории племенных политических образований. Отныне население региона источниками именуется прежде всего «эпироты» (Ἠπειρώται) и только потом, да и то не всегда — по племенной принадлежности.

Л. Р. Вершинин

³³ *Cabanès*. Op. cit., p. 176—178.

³⁴ *Блаватская*. Рабовладельческие отношения..., с. 96—98.

L'ETAT DES MOLOSSES ET LA CONSOLIDATION TERRITORIALE DE L'ÉPIRE ANTIQUE

L. R. Veršinin

Au début du Ve s. av. n. è., l'Épire, région de la Grèce du Nord-Ouest, était une unité purement géographique habitée par de nombreuses tribus indépendantes et des colons hellènes venus d'Elée et de Corinthe. Les principales tribus de l'Épire ou, plutôt, les principales unions de tribus plus petites, les Molosses, les Thesprôtes et les Chaones, se sont livrés les uns aux autres pendant tout le Ve s. une épuisante guerre pour conquérir l'hégémonie. Les Thesprôtes, la tribu la plus puissante liée depuis longtemps aux colonies grecques et à l'Hellade proprement dite, perdirent leur influence au milieu du Ve s. et commencèrent à perdre inexorablement des territoires. L'hégémonie des Chaones ne fut pas non plus de longue durée et se termina vers la fin du Ve s., à la suite, très certainement, de leur participation malheureuse en qualité d'alliés des Laconiens dans la guerre du Péloponnèse. Le IVe s. av. n. è. devient l'époque du renforcement graduel d'un Etat tribal molosse et de son désir toujours plus marqué d'instaurer son hégémonie sur la région. Les principes fondamentaux de la politique extérieure de l'Etat des Molosses de la première moitié du IVe s. furent: la lutte pour acquérir une issue vers la mer, ce qui fut fait encore avant 370, et l'annexion des régions montagneuses séparant l'Épire de la Macédoine. A cette époque se renforce l'alliance, traditionnelle depuis le Ve s., entre l'Etat molosse et Athènes et se créent les conditions d'une confrontation avec la Macédoine. La structure interne de l'Etat molosse octroyait à toutes les tribus qui en faisaient partie des droits politiques égaux sous l'égide de la dynastie molosse des Éacides, ce qui contribuait à renforcer les tendances centripètes. Lorsqu'il perdit, dans son conflit avec la Macédoine, ses régions montagneuses, l'Etat molosse n'en resta pas moins puissant; il poursuivit une politique extérieure active et, au début des années 330, sous le roi Alexandre, devint un des Etats les plus forts de la région dont Philippe II de Macédoine devait tenir compte; ce qui plus est, ses gouvernants caressait des projets d'expansion semblables à ceux des Macédoniens, mais dirigés vers l'ouest. C'est alors que nombre de régions non-molosses, économiquement et culturellement plus développées que la Molossie proprement dite, se rattachèrent à l'Etat molosse, ce qui entraîna un certain nombre de réformes institutionnelles appelées à renforcer l'unité interne. A la place de l'Etat molosse se constitua dans l'Épire géographique une nouvelle unité étatique, une sorte de symmaquie ou sympolitie de deux tribus — les Molosses et les Thesprôtes — englobant aussi nombre de cités — Etats grecques, notamment les colonies éléates; ce nouvel Etat où toutes les tribus intégrées, y compris celles des non-molosses, possédaient un droit de représentation égal dans les collèges suprêmes et pouvaient assumer les plus hautes magistratures, ne s'appelle plus Etat des Molosses, mais l'Épire. Ainsi, vers la fin des années 330, l'Etat créé par les Molosses et gouverné par les Éacides se transforma d'Etat tribal en Etat territorial, et l'Épire, de concept purement géographique qu'il était, devint un concept politique.